

ДИАЛОГ КАК «ВЕРБАЛЬНОЕ СНОВИДЕНИЕ»

*О некоторых особенностях парадIALOGического дискурса
в аспекте теории эгоцентрической речи*

С.П. Поцелуев

*кандидат философских наук, доцент,
Южный федеральный университет*

Философия, как говорили Платон и Аристотель, начинается с удивления. В самом деле, есть такие факты нашей жизни, которые настолько удивляют, что хочется поразмышлять об условиях их возможности. Для нас таким фактом стала теледуэль Жириновского и Проханова в одном из выпусков телепередачи В.Соловьева «К барьеру!» (эфир НТВ от 02.02.2006). Увиденное на экране побудило нас поразмышлять на тему *политического парадIALOGа* [см. подробнее 11], тему, которая уже в 90-ых гг. стала предметом обсуждения у российских филологов В.Базылева и Ю.Сорокина, в частности, в их статье о постсоветском «новоязе» [1, с. 8]. Следует заметить, что рассматриваемый здесь случай не представляет единственный тип политического парадIALOGа. Общение политиков в парламенте, в том числе без телекамер, а также их диалоги со своими актуальными или потенциальными избирателями, вообще с людьми, внешними политической сфере, – все это дает особые формы парадIALOGического дискурса. В чем эти формы едины и чем отличаются между собой – это тема особого разговора. В настоящей статье мы отметим лишь некоторые психологические особенности политического парадIALOGа.

Во-первых, почему именно *парадIALOG* имеется здесь в виду? Название автор находит удачным, поскольку греч. приставка *παρά-* означает, помимо прочего, не просто отступление от истины, но ее выворачивание, оборачивание, переименование. Соответственно, *парадIALOG* – это как бы вывернутый наизнанку диалог, его инверсия, пародия, симуляция. Или, как выражаются Базылев и Сорокин, парадIALOG – это «ситуация постоянной подмены речи» [1, с. 8]. В основе парадIALOGа лежит не принцип диалогической природы истины, о котором писал М. Бахтин, но инверсия этого принципа: делезовский «эффект», лишенный всякой субстанциальности и причинности. ПарадIALOG отрицает идеологичность сократического диалога, в нем нет идеи, которая «хочет быть услышанной, понятой и ‘ответченной’ другими голосами с других позиций» [2,

с. 127]. В парадиалоге нет и того нововременного монологизма «идеологического творчества», который у Бахтина образует диалектическую противоположность диалогическому принципу. Вместо взаимодействия «точек зрения», «концепций», «идеологий», в политическом парадиалоге происходит простое совмещение двух потоков мышления и речи (как в клипе, коллаже и т.п.). Это противоречит принципу успешности стандартного диалогового общения.

Парадиалог вообще культивирует семантические и прагматические бессмыслицы. Это относится прежде всего к выпадению важнейших пресуппозиций высказываний и предпосылок коммуникации. Так, в своей «теледуэли» Жириновский и Проханов предлагают диаметрально противоположные трактовки советской истории. Вместе с тем за этими трактовками не стоит никаких реальных идейных различий и конфликтов. «Идейный спор» оказывается чисто языковым эффектом, поэтому он постоянно подвергается ревизии, пародии, инверсии. В случае политического парадиалога следует говорить не столько о принципе кооперации (этой излюбленной теме дискурс-анализа), сколько о «коммуникативном саботаже», как удачно выразилась Т. Николаева [7, с. 225-226]. Для участников парадиалога оппонент выступает лишь в качестве стимула для саморазвертывания автокоммуникативного по сути своей дискурса. Это напоминает разговор с воображаемыми собеседниками во сне или в бреде. Есть также немало общих черт между парадиалогом и фиктивным художественным дискурсом, прежде всего, литературой нонсенса и абсурда. Но эти черты мы оставим сейчас в стороне, чтобы сосредоточиться на двух интересных психологических аспектах парадиалога: на его параллелях с психотическим и детским дискурсом.

Параллели с психотическим сознанием Базылев и Сорокин отмечают особо. Они пишут о политике как о человеке «с измененным (смещенным) состоянием сознания», речь которого, будучи «вербальной реакцией на постоянный стресс», представляет собой «форсированный звуковой поток», главной функцией которого является не убеждение, а подавление собеседника» [1, с. 8]. В парадиалоге обнаруживаются аналогии с так называемым «систематизированным бредом». Разорванное мышление участников парадиалога напоминает известную в психиатрии «мифоманию» или «псевдологию» как болезненную склонность к вымыслу и лжи. Что же касается инфантильных черт рассматриваемого парадиалога, то в их анализе мы опирались на работу А.Н. Леонтьева «Психологические основы дошкольной игры» [6]. В указанной выше статье показывается, в частности, что есть явные параллели между детской ролевой игрой и коммуникативным поведением в парадиалоге политической оппозиции авторитарного типа.

В данной статье мы хотели бы специально остановиться еще на одном сюжете, тоже относящемся к инфантильным аспектам политического парадиалога,

а именно, его схожести с эгоцентрической речью ребенка. При этом мы будем опираться, в основном, на идеи Ж.Пиаже и Л.С.Выготского.

Характеризуя эгоцентрическую речь ребенка, Пиаже отмечает, что таковой она является потому, что «ребенок говорит лишь о себе и не пытается стать на точку зрения собеседника. Собеседник для него первый встречный» [10, с. 17]. Здесь Пиаже ухватывает замечательную двойственность и парадоксальность эгоцентрической речи, важную и для понимания речи парадиалогической: с одной стороны, ребенок «не интересуется тем, кому он говорит, и слушают ли его». Он говорит о себе и для себя, «он не испытывает желания воздействовать на собеседника, действительно сообщить ему что-нибудь», «он ни к кому не обращается» [10, с. 17]. С другой стороны, Пиаже фиксирует, что наличие собеседника все же существенно для эгоцентрической речи. Ребенок испытывает удовольствие от приобщения кого-нибудь к своему действию и его речевому сопровождению. Ребенку, – пишет Пиаже, – важен видимый интерес другого к тому, что он делает и говорит. «У него (ребенка), очевидно, есть иллюзия, что его слышат и понимают» [10, с. 17]. Кстати, Пиаже указывает в этой связи на важную роль эхололических реакций в эгоцентрической речи ребенка.

Эта двойственность и *парадоксальность* детской эгоцентрической речи хорошо выражается у Ж. Пиаже понятием «коллективного монолога». Он подразумевает, что во время детских разговоров «каждый приобщает другого к своей мысли или действию в данный момент, но не заботится о том, чтобы и в самом деле быть услышанным или понятым» [10, с. 17]. Коллективный монолог Пиаже рассматривает как наиболее социальную из всех эгоцентрических разновидностей детского языка, поскольку «к удовольствию разговаривать она прибавляет еще удовольствие произносить монолог перед другими и этим привлекать – или полагать, что привлекаешь, – их интерес к его собственному действию или к собственной мысли». Но ребенок, говорящий таким образом, фактически ни к кому не обращается. «Он громко говорит для себя перед другими. Такой образ действий можно найти у некоторых взрослых, оставшихся недоразвитыми (у некоторых истериков, если называть истерией нечто, проистекающее из детского характера), которые имеют привычку громко размышлять, как если бы они говорили сами для себя, но с расчетом, что их слушают. Если отбросить некоторое актерство этого положения, то получим эквивалент коллективного монолога нормальных детей» [10, с. 23-24].

Пиаже описывает здесь нечто большее, чем только особенность эгоцентрической речи ребенка, а именно, особый вид перформанса: *говорит для себя перед другими*. В этом случае присутствие других *предполагается* говорящим и *важно* для самого говорения как перформанса (что, кстати, подчеркивает и Выготский в своих экспериментах с детской эгоцентрической речью), но стремление передать собеседнику информацию или существенно повлиять на него, ограничено «говорением для себя». Формы этого ограничения, конечно, различны. В случае «коллективного монолога» ребенок «говорит лишь о себе, не

заботясь о позиции другого, не стараясь убедиться в том, слушает ли и понимает ли его собеседник» [10, с. 17]. В случае же примитивных детских диалогов уже имеет место тематическое сотрудничество, т.е. дети говорят об одном и том же, хотя каждый говорит о себе и со своей точки зрения, между ними нет сотрудничества в общем действии, в содержании темы. Однако, в отличие от коллективного монолога, они слушают и понимают друг друга.

В контексте политического парадIALOGA особенно интересно отметить, что Пиаже видит аналоги детского коллективного монолога и во взрослой коммуникации: в привычке истериков размышлять вслух на публике, в «гостиничных разговорах», где каждый говорит о себе, и никто никого не слушает и т.п.

Сегодня психолингвисты и онтолингвисты различают в речевой практике детей многие виды «речи для себя». В интересном исследовании М.Б. Елисеевой рассматриваются возможные пути перехода от так называемого *квазидialogа* и монолога к речи, ориентированной на собеседника [5]. Под квазидialogом понимается формально монологическая речь, в которую, однако, детским мышлением вводится фигура квазисобеседника. Этот собеседник говорит цитатами из речи взрослых (матери, отца, бабушки и т.п.), текста сказок, телерекламы и т.п. Такой детский квазидialog – тоже пример эгоцентрического перформанса как говорения для себя перед другими (воображаемыми и/или реально присутствующими другими).

Еще одним примером эгоцентрического перформанса можно считать ритуальный диалог в рамках тоталитарной или авторитарной политической коммуникации. Е.Опарина в своей статье о политических метафорах [8], приводит удачный пример из стихотворения Александра Галича «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира». «Израильская, – говорю, – военщина // Известна всему свету // Как мать, – говорю, – и как женщина // Требую их к ответу! // Который год я вдовая // Все счастье – мимо // Но я стоять готовая // За дело мира!».

Эти слова произносит с трибуны мужчина, которому по ошибке вручили текст чужого выступления. При этом зал реагирует совершенно спокойно, без смеха, как будто все нормально: «А как кончил // Все захлопали разом // Первый тоже – лично – сдвинул ладоши // Опосля зазвал в свою вотчину // И сказал при всем окружении // "Хорошо, брат, ты им дал, по-рабочему! // Очень верно осветил положение!"...». Таким образом, никто из участников этого перформанса не реагирует недоуменно на абсурдность речи выступающего, потому что главное в ней соблюдено – наличие определенных стереотипов как элементов ритуала (в данном случае рабочего митинга в защиту мира).

Е.Опарина замечает, что «такая политическая речь представляет собой по сути монолог и абсолютно не приспособлена для политического диалога, в котором говорящему приходится убеждать слушателей/читателей, доказывая свою правоту при наличии множества позиций, оценок и возможных решений» [8, с. 21]. Ю.С.Степанов называет такого рода политический ритуальный моно-

лог «псевдодиалогом с идеальным адресатом» [3, 95]. Идеальный адресат – это тот, кто принимает все пресуппозиции каждой фразы, кто даже принимает курьезную подмену выступлений в выше приведенном случае, кто «все понимает» и тем самым обеспечивает право даже такого абсурдного выступления в ритуальном или ритуализированном мероприятии. Здесь мы, стало быть, тоже имеем дело с разновидностью эгоцентрического перформанса. Кстати, в своих позднейших комментариях на критику Выготского, Пиаже сравнивает эгоцентрическую речь ребенка с лектором, который может говорить «для себя», даже когда он обращается к аудитории [9, с. 455].

Таким образом, развитое в психологии понятие эгоцентрической речи позволяет себя истолковать как одно из проявлений эгоцентрических перформансов, к которым, наряду с детским квазидиалогом, можно отнести политические псевдо- и парадialogи.

Поскольку политический парадialog относится к разновидностям эгоцентрических перформансов, он обнаруживает существенное сходство с детским коллективным монологом. Обе формы коммуникации суть «говорение для себя перед другими». Однако структура этих говорений обнаруживает существенные различия.

Чтобы подойти к этим различиям, нам следует отправляться от интерпретации теории Пиаже у Выготского. В отличие от Пиаже, Выготский склоняется не в сторону учения о недостаточной социализации как источнике детской эгоцентрической речи, а, напротив, в пользу слишком большой ее социализации, ее недостаточной обособленности от «речи для других». Поэтому он особенно акцентирует тот момент, что эта речь «проявляется не иначе, как в детском коллективе при наличии других детей», что она напоминает социализованную речь, а не произносится шепотом, невнятно, про себя. Наконец, здесь важно, что «ребенок верит и полагает, будто его ни к кому не обращенные эгоцентрические высказывания понимаются окружающими» [4, с. 304]. В коллективном монологе «дети верят, что они говорят друг другу и что другие их слушают». Они «полагают, что каждая их мысль, которая не выражена вовсе или выражена недостаточно, есть все же общее достояние» [4, с. 305]. Этот последний момент особенно важно подчеркнуть, поскольку он позволяет лучше понять отличие коллективного монолога у детей от политического парадialogа. Для Выготского эти свойства детской эгоцентрической речи не являются выражением мыслительного эгоцентризма, но выполняют прямо противоположную функцию реалистического мышления, «сближаясь не с логикой мечты и сновидения, а с логикой разумного, целесообразного действия и мышления» [4, с. 48]. Эту функцию эгоцентрической речи ребенка Выготский объясняет возникновением детского размышления из *спора*. Именно в споре, в дискуссии проявляются те функциональные моменты, которые дают начало развитию размышления у ребенка. И «когда ребенок начинает разговаривать сам с собой совершенно так

же, как он прежде разговаривал с другими», тогда «он начинает <...> думать вслух там, где ситуация вынуждает его к тому» [4. с. 51].

Здесь видно уже существенное отличие детского коллективного монолога от парадиалога. Политики в парадиалоге говорят иначе для себя и иначе для других, чем это делают дети в своей эгоцентрической речи. У детей имеет место неотрефлексированная, спонтанная вера в то, что их слушают и понимают, в парадиалоге же мы имеем сознательную симуляцию, инсценирование этой веры. Этим эгоцентрический дискурс парадиалога сближается как раз с логикой мечты и сновидения, с «вербальным сновидением», в отличие от детской эгоцентрической речи, по Выготскому.

«Вера в слушателя» фиктивна в парадиалоге, однако ее фиктивность нельзя свести однозначно ни к театрально-художественному, ни к ритуально-символическому дискурсу. «Другие», перед которыми говорят участники парадиалога, это – по определению – не публика артиста, и рамочные условия перформанса определяют его участников в их реальной функции политиков, а не актеров. Правда, политики ведут себя как лицедеи, но в отличие от артистов, их лицедейство прагматично: свои послания они адресуют своим избирателям, они делают политический капитал. А пресловутый «электорат» – это не только реальные люди, сидящие в зале или телестудии; это – *идеальный* или *виртуальный* слушатель-зритель, замкнутый на политическое «эго» политика. Прежде всего с ним и перед ним говорит политик в парадиалоге, а не со своим визави и не перед живой публикой в зале или телестудии. В этом смысле, он, как и ребенок, все же говорит для себя, хотя и перед другими. Но в отличие от идеального слушателя ритуального псевдиалога, виртуально-идеальный слушатель парадиалога не понимает автоматически всех пресуппозиций; его понимание должно быть еще продемонстрировано, сыграно как в театре, хотя и для идеальной публики. В этом смысле парадиалогический дискурс требует от его участников большей эмоциональной ангажированности, большего сценического перевоплощения и раздвоения, чем в случае ритуального псевдиалога. В данном моменте политический диалог крайне близок тем типам художественного дискурса, которые обнаруживают признаки эгоцентрической речи.

В частности, здесь обнаруживаются интересные параллели с лирической поэзией. Анализ русской лирики XIX–XX вв., произведенный И.Ковтуновой, показал, что адресат в поэтических текстах моделируется как «наадресат», т.е., как современники и все человечество одновременно [см. об этом 12, с. 153]. Заметим, что в парадиалоге мы видим нечто аналогичное: в качестве адресата посланий здесь выступают и конкретный собеседник, и публика в зале, и реальные или потенциальные телезрители передачи, и поверх всего этого – идеальный зритель, с которым демонстрируется единение. Получается, что и в лирической поэзии, и в парадиалоге, адресат предстает как неопределенная фигура, как «некто», «другой», перед которым поэт и политик говорят для себя. При этом и поэтическое произведение, и парадиалогический дискурс в своем по-

строении прямо не зависят от адресата, конкретно на не него не сориентированы. С этим связаны как раз многочисленные противоречия, семантические лакуны, любовная связь антиномий как в поэзии, так и в парадialoge. И здесь они действительно очень близки логике мечты и сновидения. В любом случае, они уводят от логики предметного реалистического мышления, сопровождением которого, считал Выготский, являются эгоцентрические диалоги ребенка.

Но поэзия не претендует на предметность реалистического мышления, так что ее близость логике сновидения вряд ли может вызывать недоумение. Но как быть с политиками, которые практикуют в парадialoge подобного рода дискурс? Здесь недоумение становится оправданным. И оно уже выходит за рамки психологии и дискурсологии, приобретая смысл морального и собственно политического вопроса.

Не удивление, а недоумение и печаль суть начало философии, – утверждал Шопенгауэр, полемизируя с великими греками. Но иногда можно встретить в опыте столь странные факты, которые вызывают и удивление, и недоумение, и глубокую печаль одновременно. Возможно, этих эмоций слишком много, чтобы быть началом для целой философии, однако достаточно, чтобы задуматься о некоторых аспектах окружающей нас действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базылев В., Сорокин Ю.* О нашем новоязе. От чужих слов мы становимся агрессивнее // Независимая газета, 25.09.1998.
2. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1979.
3. *Беседа с Юрием Сергеевичем Степановым* // Политическая наука – 3. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002.
4. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. 5-е изд-е. М., 1999.
5. *Елисеева М.Б.* От 2 до 5: речь "для других" и речь "для себя" (к вопросу об эгоцентрической речи ребенка) // Ребенок как партнер в диалоге: Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып.2. СПб., 2001.
6. *Леонтьев А.Н.* Психологические основы дошкольной игры // Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. 4-е изд-е. М., 1981.

7. Николаева Т.М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.
8. Опарина Е.О. Метафора в политическом дискурсе // Политическая наука – 3. Политический дискурс: история и современные исследования. М., 2002.
9. Пиаже Ж. Комментарии к критическим замечаниям Л. Выготского // Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.
10. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994.
11. Поцелуев С.П. Политический парадиалог // Политические исследования. 2007. № 1.
12. Радзиевская Т.В. Прагматические противоречия при текстообразовании // Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.